

Настоящее имя Линь Вэйяна — Лян Хуань. На самом деле это имя легко понять: если прочитать половину иероглифа «Лян», получится «Линь», а «Вэйян», вероятно, происходит от названия его резиденции — Дворца Вэйян.

Поэтому каждое утро он исчезал, чтобы отправиться на дворцовое собрание. А каждую ночь он приходил в Подворье Юнчжоу, что, должно быть, было для него непросто.

Он сказал, что раскроет свою личность в течение месяца, не потому что хотел этого, а потому что на этом этапе это уже невозможно было скрыть. И, возможно, он и не собирался скрывать. Для кого-то незначительного, что тут скрывать?

— Эй, вы видели? Император оказался таким молодым и красивым!

— Да, как кому-то удаётся быть таким во всём?

— Мне кажется, наш Чэнь Синьли тоже симпатичный.

— Разве это можно сравнивать?...

Чэнь Шучжи не мог игнорировать разговоры вокруг, и, хотя он хотел спрятаться, его уязвимые места легко задевались чужими словами.

Зачем он каждую ночь приходил в Подворье Юнчжоу, в его комнату? Зачем он врал?

Что он не мог получить? Какая польза от его маленьких, ничтожных мыслей?

Если он их получил, почему он ничего не взял, а ушёл так решительно?

Он знал, что не может задать эти вопросы и не получит на них ответа. Как бы ни было обидно, ему приходилось глотать слёзы.

— Синьли, ты не будешь есть? — Цзян Цзи с беспокойством посмотрел на него.

Чэнь Шучжи поспешно скрыл свои эмоции и неуверенно улыбнулся:

— Всё в порядке, я не голоден, не беспокойся обо мне.

— Всё же поешь, ты выглядишь слишком бледным, — нахмурился Цзян Цзи, наливая ему миску каши.

Однако Чэнь Шучжи заметил на столе кувшин с вином и налил себе полный бокал.

В этот момент к их столу подошли с тостом из другого стола. Эти двести человек станут коллегами в будущем, и им придётся поддерживать друг друга. Поэтому первые десять человек за главным столом стали объектом всеобщего внимания.

Чэнь Шучжи, который до этого молчал, вдруг встал и начал пить за всех за столом, опустошая бокал за каждого, кто поднимал тост. Он старался выглядеть развязным, но его неуклюжие движения не могли скрыть уязвимости в глазах.

— Чэнь Синьли, хватит пить, мы не хотим тебя тащить обратно!

— Всё нормально... — Чэнь Шучжи махнул рукой. Он хорошо переносил алкоголь, и, сколько бы ни пил, его тело становилось непослушным, но разум оставался ясным.

Напившись, он отправился в уборную, но не захотел возвращаться за стол. Он решил прогуляться по саду. Хотя зимой всё было увядшим, наблюдать за деревьями было приятно.

Коричневые деревья, серые камни, красно-коричневые резные балки.

Под воздействием алкоголя он шатался, блуждая по саду, но его мысли оставались ясными, хотя тело не слушалось. Сад был запутанным, и, блуждая долгое время, он наконец почувствовал усталость и сел на ближайшую скамейку.

Оглядевшись, он увидел перед собой огромную каменную стелу. Подняв голову, он прочитал, что на ней было написано о строительстве Сада Яшмового Леса императором. Рядом с большой стелой стояли несколько маленьких, и он прочитал каждую, отмечая, что они были установлены при каждой реконструкции сада.

Последняя стела оказалась современной, но он сидел слишком далеко, чтобы разглядеть текст, и подошёл ближе, внимательно читая каждое слово.

«18 января первого года правления Чунцзин: Указ гласит: к востоку от запретного города есть сад под названием Яшмовый Лес, где устраивают банкеты для новых учёных, и император обязательно посещает этот сад...»

Этот указ, возможно, Лян Хуань читал лишь раз, внося небольшие правки.

Но это была его работа — указ о реконструкции Сада Яшмового Леса, написанный твёрдым и серьёзным почерком, каждое слово достойно быть высеченным на камне.

Всё его существо было подобно этим императорским надписям — величественным и внушающим трепет, стоящим перед миром, чтобы продемонстрировать свою власть. А он был лишь ничтожной ступенькой или перилами, которые могут только преклонить колени, но никогда не коснуться.

Чэнь Шучжи чувствовал слабость в теле, его руки и ноги замерзли, и он беспомощно прислонился к стеле, почувствовав, как в носу защекотало.

Он давно всё понял, но не хотел просыпаться...

— Синьли! Чэнь Синьли, это ты?

Чэнь Шучжи повернулся к голосу, но перед глазами всё было расплывчато. Он поспешно протёр глаза и увидел знакомое лицо, приближающееся к нему.

Это лицо было таким же, как и раньше — с гордыми чертами, но обычно оно выглядело дружелюбно. Однако когда двери закрывались, его резкость смягчалась.

Нет, это всё было лишь его выдумкой. Перед ним стоял не Линь Вэйян, а лишь его оболочка.

Чэнь Шучжи был в ясном уме и ещё мог контролировать свои эмоции, зная, как правильно вести себя в такой ситуации. Опираясь на основание стелы, он неуверенно поднялся и, шатаясь, подошёл к нему, опустившись на колени.

Он открыл рот, подбирая подходящие слова, но, прежде чем он успел что-то сказать, Лян Хуань поднял его с земли и с лёгким упрёком сказал:

— Почему ты здесь сидишь? Я тебя уже полдня ищу.

Чэнь Шучжи удивился. Он искал его? Зачем?

— Что с тобой? Кто тебя обидел? — Лян Хуань нахмурился, глядя на его покрасневшие глаза.

— Ничего... со мной всё в порядке, — опустив голову, ответил он.

Лян Хуань не стал настаивать, а схватил его за руку и, весело сказав:

— Давно тебя не видел, пойдём, посидим в комнате, мне есть что тебе рассказать.

От его рывка Чэнь Шучжи чуть не упал, но Лян Хуань вовремя его поддержал.

— Ты... напился? Эти люди всё время тебя поили? Какие-то негодяи, уже стали учёными, а ведут себя как хулиганы...

Слыша знакомый тон, Чэнь Шучжи вспомнил подавленные воспоминания, а вместе с ними вернулись и эмоции.

Нет, видя его, слыша его голос, он не сможет сдержаться. Рано или поздно он выдаст себя.

Лян Хуань, боясь, что он снова упадёт, взял его под руку, крепко поддерживая, чтобы он не упал, куда бы ни наклонился.

Чэнь Шучжи не смел позволить ему поддерживать себя, но и не мог вырваться, оставаясь в плену знакомого тепла, которое обжигало его.

Они дошли до Павильона Яшмового Леса. Это было небольшое здание в саду, состоящее из трёх комнат, предназначенных для отдыха посетителей.

Лу Инь сначала приказал разжечь уголь, а Лян Хуань попросил его принести что-нибудь от похмелья.

В комнате стало тепло, и на щеках Чэнь Шучжи появился румянец от выпитого вина. Лян Хуань усадил его на стул, и он не мог не сесть.

Глядя на его удручённый вид, Лян Хуань с теплотой сказал:

— Синьли, если у тебя есть проблемы, не держи их в себе. Расскажи мне, может, я смогу помочь.

Сказав это, он вдруг вспомнил, как в последний раз, когда он уходил из Подворья Юнчжоу, Чэнь Шучжи заплакал.

— Это не связано со мной, правда?

На лице Лян Хуаня появилось смущение:

— Прости, что придумал имя и личность, чтобы обмануть тебя. Но я сделал всё, чтобы помочь тебе. Я выбрал твой экзаменационный лист, и это было не из личных соображений, ты действительно заслуживал пройти. И я уже написал письмо тому чиновнику из твоего города, чтобы отменить твою свадьбу.

Он думал, что после этих слов Чэнь Шучжи простит и поблагодарит его, но тот опустил глаза и спросил:

— У вас есть что-то ещё сказать?

Самое важное для него было лишь его личность? И больше ничего?

— Нет, наверное? — Лян Хуань не понял.

— Тогда... — Чэнь Шучжи закрыл глаза и осторожно встал.

Лян Хуань снова усадил его, посмотрев с упрёком:

— Здесь нет посторонних, не надо так, это странно.

— Тогда позвольте задать непочтительный вопрос: зачем вы каждый день приходили в ту комнату?

Его голос звучал спокойно, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить лёгкую дрожь.

Лян Хуань не обратил внимания на его тон, лишь поднял глаза, вспоминая:

— Теперь уже можно сказать. С другой стороны деревянной панели у кровати кто-то обсуждал секретные дела, и я приходил слушать.

— Кажется, снова придумал оправдание, чтобы обмануть тебя, не обижайся, я не мог просто сказать, что подслушивал.

<http://bllate.org/book/16213/1455797>